

Имена и образы в ранней готической прозе графа А.К. Толстого (на материале рассказа «Встреча через триста лет»)

Сергей М. Пронченко

*Филиал Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского в г. Новозыбкове,
Новозыбков, Россия, s.m.pronchenko@yandex.ru*

Аннотация. Цель публикации – конкретизация представления о художественной речи и стиле языка А.К. Толстого (1817–1875) в словесном воплощении посредством раскрытия специфики употребления имен собственных в одном из ранних рассказов его готической дилогии «Встреча через триста лет», а также рассмотрение образной системы произведения сквозь призму толстовского имяупотребления. Основными методами являются историко-литературный, идейно-тематический анализ, наблюдение, сплошная выборка, контекстный анализ, классификация. Результаты исследования связаны с раскрытием отличительных черт ономастического пространства рассказа: особенностей употребления ономастических классов, участия имен в моделировании хронотопа и формировании ретроспективы текста, в создании французского колорита произведения, реализации авторской картины мира, определяемой эстетическими позициями. Особенности образной системы рассказа раскрываются на семиологической основе, с учетом ведущего принципа зеркальности (энантиоморфизма). Показано, что созданные А.К. Толстым параллельные зеркальные образные оппозиции антропонимов наряду с топопонимами и другими ономастическими классами служат композиционным стержнем рассказа, определяют своеобразие идейно-тематического замысла и пространственно-временных отношений, выражают мотив двойничества и концепцию романтического двоемирия. Имена и образы соответственно играют ключевую роль во «Встрече через триста лет», поскольку формируют представление об особенностях идиостиля Толстого и служат основой для воплощения авторских интенций. Новизна проведенного исследования определяется результатами изучения употребления поэтонимов и построения образной системы в толстовской ранней романтической прозе.

Ключевые слова: поэтонимия, филология имени, энантиоморфизм, двойничество, прием ретроспекции, романтическое двоемирие, язык и стиль художественной речи А.К. Толстого, поэтика русской романтической прозы XIX в.

Для цитирования: Пронченко С.М. Имена и образы в ранней готической прозе графа А.К. Толстого (на материале рассказа «Встреча через триста лет») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 3. С. 12–24. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-3-12-24

Names and images in early Gothic prose of Count A.K. Tolstoy (based on the story “Meeting in Three Hundred Years”)

Sergei M. Pronchenko

*Branch of Bryansk State Academician I.G. Petrovskii University
in Novozybkov, Novozybkov, Russia, s.m.pronchenko@yandex.ru*

Abstract. The purpose of the publication is to concretize the idea of the artistic speech and style of the language of A.K. Tolstoy (1817–1875) in the verbal embodiment by revealing the specifics of using their own names in one of the early stories of his Gothic dilogy “Meeting in Three Hundred Years”, as well as considering the figurative system of the work through the prism of the name – usage by Tolstoy. The main methods are a historical-literary one, ideological-thematic analysis, observation, continuous sampling, contextual analysis, classification. The results of the study are associated with the disclosure of the distinctive features of the onomastic storytelling space: the specifics in the use of onomastic classes, the participation of names in modeling the chronotope and the formation of a retrospective text, in the creation of the French coloring of the work, the implementation of the author’s picture of the world, determined by aesthetic positions. The features of the figurative system of the story are revealed on a semiological basis, taking into account the leading principle of mirroring (enantiomorphism). The article shows that the parallel mirror-shaped oppositions of anthroponyms created by A.K. Tolstoy, along with topopoetonyms and other onomastic classes, serve as the compositional core of the story, determine the originality of the ideological-thematic plan and space-temporal relations, express the motive of duality and the concept of romantic two-worldness. Names and images, respectively, play a key role in the “Meeting in Three Hundred Years”, since they form an idea of the features of Tolstoy’s idiostyle and serve as the basis for the implementation of author’s intentions. The novelty of the study is determined by the results of the study

in the use of poetonyms and the construction of a figurative system in Tolstoy early romantic prose.

Keywords: poetonymy, philology of the name, enantiomorphism, duality, retrospection, romantic two-worldness, language and style of artistic speech by A.K. Tolstoy, poetics of Russian romantic prose of the 19th century

For citation: Pronchenko, S.M. (2022), "Names and images in early Gothic prose of Count A.K. Tolstoy (based on the story 'Meeting in Three Hundred Years')", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 3, pp. 12–24, DOI:

...Образы, впрочем, суть не что иное,
как имена в развернутом виде.

П. Флоренский. Имена

Актуальность публикации обусловлена тем фактом, что поэтонимия (совокупность и взаимосвязь имен собственных в художественном произведении) ранней романтической прозы графа А.К. Толстого не становилась предметом специального исследования. Однако раскрытие особенностей употребления поэтонимов Толстым дополняет и уточняет представление об отличительных чертах его идиостиля и ономастического словаря. Рассмотрение образной системы толстовской ранней прозы сквозь призму авторского имяупотребления до настоящего времени также не нашло должного отражения в научных изысканиях.

Написанный на французском языке мистический рассказ А.К. Толстого «Встреча через триста лет» (впервые опубликован в Париже в 1912 г., русский перевод А.Е. Грузинского, № 14, 16, 17 журнала «Русские ведомости» за 1913 г.) исследователи датируют концом 1830-х или началом 1840-х гг. Вместе с рассказом «Семья вурдалака» он образует готическую дилогию. В обоих произведениях Толстым используется композиционный прием «рассказ в рассказе», имеются общие персонажи (маркиз д'Юрфе и герцогиня де Грамон) и сюжетные элементы (притворное безразличие герцогини к маркизу, влюбленность героев; легкомысленность д'Юрфе, его служба при дворе господаря Молдавии; крестик матери, сохранивший жизнь де Грамон на балу привидений, подаренный герцогиней маркизу и спасший впоследствии и его жизнь). Кроме того, посредством приема ретроспекции художественное время в рассказах поворачивается вспять: повествователи обращаются к былым «страшным» событиям, которые в обоих произведениях объединены 1759 г. Во «Встрече через триста лет», являющейся

предысторией взаимоотношений главных героев, в ночь на Успение Пресвятой Богородицы, юная де Грамон попадает в старинный замок на костюмированный бал привидений. В 1459 г., в ночь на Успение, участники этого бала, будучи живыми людьми, вслед за хозяином замка, безбожным рыцарем Бертраном д'Обербуа, заявили о желании отдать душу сатане и поклялись о встрече через триста лет. В «Семье вурдалака» «ужасные» события, участием которых станвится маркиз д'Юрфе, происходят в сербской деревне. Следовательно, образы героев-повествователей и давние происшествия, в центре которых они оказались, реализуют принцип зеркальности, характерный в целом для композиции дилогии.

Маркерами принадлежности «Встречи через триста лет» к романтическому художественному миру являются лексемы и словосочетания *летняя ночь, ночные мотыльки, лес, ужасная гроза, удары грома, молнии, поросшие мхом и плющом развалины старинного заброшенного замка Обербуа, привидения, сова, свет луны, старинное предание, пергамент с восковыми печатями* и др. Авторская установка на историческую достоверность повествования реализована с помощью употребления специальных темпоральных конструкций: *во времена войны с англичанами, в тысяча триста десятом году, за тридцать лет до появления «Севильского цирюльника» Бомарше, времена Карла Седьмого, времена Людовика Пятнадцатого, тысяча четыреста пятьдесят девятый год, тысяча семьсот пятьдесят девятый год* и др.

Особенности ономастического пространства рассказа раскрываются с опорой на результаты исследований проблемы функционирования имени в художественном тексте – на работы В.М. Калинкина, Н.В. Васильевой, Т.М. Николаевой, А.Ф. Рогалева и др. Образная система рассказа рассматривается с учетом работ по семиотике М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Ю.И. Левина и посвященных ранней художественной прозе А.К. Толстого специальных трудов А.В. Федорова, М.П. Одесского, П.С. Громовой, А.А. Поляковой.

Специфика ономастического пространства рассказа

Во «Встрече через триста лет» употреблены антропоэтонимы, топоэтонимы (с подклассами), хроноэтонимы, хрематоэтонимы, библиоэтонимы. Применяемая в статье ономастическая терминология представлена в «Кратком словаре терминов и понятий поэтономаграфии» кандидатской диссертации К.С. Федотовой [Федотова 2018, с. 227–232].

Среди ономастических классов преобладают антропонимы, которые номинируют персонажей, моделируют художественное время, отсылая к разным временным отрезкам и создавая совместно с другими языковыми средствами ретроспективу текста.

Следует выделить группу имен, развивающих сюжет (*д'Юрфе, де Бельевр, Бертран д'Обербуа, Жанна де Рошэго*), и группу онимов, не участвующих в его движении, – эти имена лишь упоминаются (*Элен, де Грамон* (супруг герцогини), *Матильда, Гюг де Монморанси, Бомарше* и др.).

Значительная часть поэтонимов связана с событиями из прошлого герцогини де Грамон и выступает в качестве средства создания ретроспекции: *д'Юрфе, де Бельевр, Бертран д'Обербуа, Матильда, Гюг де Монморанси, Жанна де Рошэго* и др. В то же время среди них могут быть выделены те, которые соотносятся с реальными антропонимами, обладающими культурно-историческим фоном: *Людовик Пятнадцатый, Карл Седьмой, Бомарше*. Имена и фамилии совместно с другими ономастическими классами создают французский колорит произведения.

В рассказе употребляются прозвища. Часть из них является ономастическими перифразами. Так, де Грамон Людовик XV и командор де Бельевр называют параллельным именем *Роза Арденн / Цветок Арденн*. Сама герцогиня о своем прозвище замечает: *Роза Арденн – «...имя, которое я вполне заслуживала, ибо вонзила немало шипов в сердце его величества»*¹. Приора, помогшего преступнице Жанне де Рошэго умертвить супруга, называют *Голодным, Священником из Обербуа* и эллиптированным онимом *Священник* (Священник из Обербуа → Священник). Жанна велела перерезать ему подколенки и бросить искалеченного в лесу, где он умер от голода. Герцогиня де Грамон так об этом рассказывает своим внукам:

В народе жило одно предание, от которого меня всегда мороз подирал по коже: будто бы в том лесу [лесу Обербуа] путешественников иногда преследовал некий человек гигантского роста, пугающе бледный и худой, на четвереньках гонявшийся за экипажами и пытавшийся ухватиться за колеса, причем он испускал вопли и умолял дать ему поесть. Последнему обстоятельству он был обязан прозвищем «голодный». Называли его также «священник из Обербуа» (Толстой 1969, с. 107).

¹ Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2 / Под ред. И. Ямпольского. М.: Правда, 1969. С. 103 (здесь и далее цитирование текста рассказа производится по этому изданию с указанием фамилии автора, года и страниц в круглых скобках).

Во «Встрече через триста лет», входящей в указанное собрание сочинений А.К. Толстого, прозвища пишутся со строчных букв, в кавычках, выделяются курсивом – «голодный», «священник из Обербуа», *священник*. Имеет место, таким образом, проприально-апеллятивная неоднозначность, или ономастическая амфиболия [Васильева 2020]. Представляется, что эти прозвища следует писать с заглавных букв, поскольку они являются отапельлятивными поэтонимами, образованными путем онимизации, т. е. перехода имен нарицательных в имена собственные: *Роза Арденн, Цветок Арденн; Голодный, Священник из Обербуа, Священник*.

Топопоэтонимы моделируют художественное пространство текста, участвуют в развитии сюжета, могут только упоминаться, придают французский колорит рассказу, являются средством создания ретроспекции. Данный класс онимов представлен подклассами – названиями стран и регионов: *Молдавия, Франция, Арденны*; замков: (замок) *Обербуа*; городов: *Париж, Оксерр*; улиц: *улица Варенн*; лесов: (лес) *Обербуа*; церквей: *Сен-Жермен*. Ономастическая перифраза *замок рыцаря Бертрана* замещает топопоэтоним (замок) *Обербуа*. К географическим именам, участвующим в развитии сюжета, относятся *Арденны*, (замок) *Обербуа*, (лес) *Обербуа*, к упоминаемым – *Молдавия, улица Варенн, Оксерр, Сен-Жермен, Франция*. Оним *Париж* формирует представление о циклизации насыщенного перипетиями путешествия юной герцогини в имение отца в Арденнах, знаменуя его начало, а впоследствии и завершение: *Париж → Арденны → Париж*.

Другие ономастические классы представлены единичными примерами.

Так, хронопоэтоним (название временного отрезка) *день святой Урсулы* придает достоверность повествованию герцогини, датирует его, раскрывает детали биографии:

Возвращаясь к корзинке персиков, подаренной маркизом, скажу вам, что получила ее незадолго до его отъезда, в день святой Урсулы, то есть в мои именины, а они, как вам известно, приходятся на самую середину октября, когда раздобыть персиков почти невозможно (Толстой 1969, с. 103).

Эпизоды, в которых герцогиня взаимодействует со своим наставником де Бельевром, насыщены комизмом, свидетельствуют об обращении А.К. Толстого к традициям французской галантной прозы XVII в.:

Через духовный облик, речь, поведение, индивидуальные судьбы героев Толстой стремится нарисовать образ галантного века Людовика XV, придворной аристократии... [Громова 2011, с. 8].

Так, хрематопозэтоним (название предмета материальной культуры) «*Эликсир королевы*» участвует в воссоздании привычек высшего французского дворянства, к которому принадлежит де Грамон:

Другой раз я притворилась, что у меня болит голова.

Командор поискал в карманах и, достав флакон «Эликсира королевы», попросил разрешения попрыскать мне на волосы (Толстой 1969, с. 111).

Библиопозэтоним (название литературного произведения) «*Севильский цирюльник*» наряду с антропозэтонимом *Бомарше* характеризует находчивость и чувство юмора героини:

Узнав почерк маркиза, я глухо вскрикнула – командор обернулся в мою сторону.

– Что с вами, сударыня? – спросил он, крайне удивленный.

– Да ничего, – ответила я, пряча записку, – ногу вдруг свело су-дорогой.

Эта ложь, к которой я прибегла за тридцать лет до появления «Севильского цирюльника», доказывает вам, что она впервые пришла в голову мне, а не Бомарше, как вы могли бы подумать» (Толстой 1969, с. 112).

Образная система рассказа сквозь призму имяупотребления

По мысли М.М. Бахтина,

...наше положение перед зеркалом всегда несколько фальшиво: так как у нас нет подхода к себе самому извне, то мы... вживаемся в какого-то неопределенного возможного другого, с помощью которого мы и пытаемся найти ценностную позицию по отношению к себе самому, из другого пытаемся мы... оживить и оформить себя... [Бахтин 1986, с. 34].

Ю.И. Левин указал, что «непроницаемость зеркала... безмолвность и неосязаемость изображения соотносят изображение со сновидениями, призраками и вообще с *иным*, потусторонним миром» [Левин 1988, с. 8–9]; (курсив автора. – С. П.).

В основе построения системы образов «Встречи через триста лет» лежит принцип зеркальности (энантиоморфизм), отчетливо проявляющийся в противопоставлении герцогини де Грамон и

маркиза д'Юрфе. Герцогиня взаимоотношения с маркизом называет *ожесточенной «войной», игрой, вызовом-шуткой*, характеризует их в том числе как *притворное безразличие* (с ее стороны), *усиливающаяся нежная внимательность* (с его стороны), указывает на *насмешливый тон* их бесед. В портрете д'Юрфе отмечается *благороднейшая внешность, непостоянный нрав, ветреность, самолюбие*. А.К. Толстой создал и вторую параллельную зеркальную оппозицию, реализуемую образами прапрабабушки герцогини, *Матильды*, и ее поклонника былых времен, скверного рыцаря *Бертрана д'Обербуа*:

Рис. 1. Параллельные зеркальные образные оппозиции в рассказе «Встреча через триста лет» А.К. Толстого

Герцогиня де Грамон указывает на свое внешнее сходство с прапрабабушкой через имеющийся старинный портрет и доставшийся ей в наследство пристальный магический взгляд Матильды:

...говорят, я очень похожа на портрет моей прапрабабушки, а от одного ее взгляда, как гласит предание в наших краях, упал в ров некий самонадеянный рыцарь, затеявший ее похитить и уже перемахнувший через стену замка (Толстой 1969, с. 104);

...мне льстило, что во мне видят сходство с портретом госпожи Матильды (Толстой 1969, с. 108).

Де Грамон подчеркивает и подобие любовных ситуаций, в которых в давнее время оказалась ее прапрабабка, а затем и она сама, имея в виду Бертрана д'Обербуа и д'Юрфе. В рассказе отмечена общая для этих мужских образов черта – *рыцарственная смелость*, повествуется о неудачном похищении и Матильды, и де Грамон.

Отмеченные зеркальные оппозиции определяют специфику хронотопа «Встречи через триста лет» и служат композиционным стержнем произведения: они, с одной стороны, противопоставляют два временных плана – времени молодости герцогини и маркиза и времени Матильды и Бертрана, с другой стороны, создают антитечность двух миров – «реального» и мистического. Таким образом в рассказе выражается концепция романтического двоемирия.

Размышляя о произведениях изобразительного искусства и воплощении в них мотива зеркала, Ю.М. Лотман пишет:

...удвоение с помощью зеркала никогда не есть простое повторение: *меняется ось «правое – левое»* или, что еще чаще, к плоскости экрана или полотна прибавляется *перпендикулярная к нему ось*, создающая глубину или добавляющая вне плоскости лежащую точку зрения [Лотман 2004, с. 68] (курсив наш. – С. П.).

И далее:

Литературным адекватом мотива зеркала является тема двойника. <...> Двойник – остранинное отражение персонажа. Изменяя по законам зеркального отражения (энантиоморфизма) образ персонажа, двойник представляет собой сочетание черт, позволяющих увидеть их инвариантную основу, и сдвигов (замена симметрии правого – левого может получать интерпретацию самого различного свойства: мертвец – двойник живого, не-сущий – сущего...), что создает поле широких возможностей для художественного моделирования [Лотман 2004, с. 69].

В рассказе «Встреча через триста лет» взаимопроникновение «реального» и потустороннего миров происходит в тот момент, когда после обморока де Грамон оказывается в замке Обербуа на балу привидений и *персонажи параллельных зеркальных оппозиций меняются местами*: рыцарь Бертран полагает, что перед ним Матильда (на самом деле – де Грамон, внешне похожая на свою прапрабабушку), де Грамон вначале уверена, что перед ней д'Юрфе (на самом деле – призрак Бертрана в рыцарских латах):

Рис. 2. Смена параллельных зеркальных образных оппозиций на балу привидений в рассказе «Встреча через триста лет» А.К. Толстого

Когда призраки «видят», что фигура де Грамон отбрасывает тень, когда Священник пытается ее обвенчать с Бертраном, она достает крестик матери и от имени Бога приказывает привидениям исчезнуть. А.В. Федоров отмечает, что «волшебная помощь в опасной ситуации обусловлена сочетанием родительской любви и христианской веры» [Федоров 2000, с. 24]. В этот момент мистический мир рассказа рушится. Де Грамон снова падает в обморок и затем возвращается в «реальность», в которой присутствуют ее отец и командор де Бельевр.

Образы персонажей делятся на положительные и отрицательные. К первым относятся *де Грамон, д'Юрфе, де Бельевр, отец герцогини*, ко вторым – *Бертран д'Обербуа, Жанна де Рошэгю, Священник и другие призраки*, находящиеся на балу.

Наряду с нейтральными локусами, обозначаемыми топопоэтонимами *Париж, улица Варенн, Оксерр*, следует выделить и отрицательные пространственные образы, заряженные мистически: *Арденны, лес и замок Обербуа*. В них проходит граница «реального» и потустороннего миров, это место их пересечения:

Имя Обербуа воскресило во мне множество воспоминаний. То были слышанные в детстве рассказы о старинном заброшенном замке и о лесе, окружавшем его (Толстой 1969, с. 107);

...меня всегда пугал этот гадкий замок Обербуа... (Толстой 1969, с. 108);

[О замке Обербуа] Это было обширное здание сурового облика и в значительной части разрушенное. В лучах луны я могла заметить, что стены поросли мхом и покрыты плющом, ветки которого гирляндами свисали кое-где с высоких башен, живописно раскачиваясь и темными очертаниями выделяясь на серебристо-синем фоне ночного неба (Толстой 1969, с. 117).

Оппозицию в рассказе составляют также де Грамон и де Бельевр – как противопоставление молодости и зрелости. В этих персонажах обнаруживаются амбивалентные качества: в образе друга отца герцогини, ее попечителя, командора де Бельевра отражены, с одной стороны, такие черты, как *мудрость, высокая нравственность, отвага, чувство долга, самоотверженность*, с другой – *оторванность от жизни, наивность, докучливое менторство*:

Вообразите себе человека высокого, сухощавого и важного, весьма учтвого, весьма речистого и никогда не улыбающегося. В молодости он показал на войне чудеса храбрости, граничащей с безумством, но он никогда не знал, что такое любовь, и с женщинами был крайне робок (Толстой 1969, с. 105).

В образе де Грамон воплощены положительные черты (*живость ума, находчивость, остроумие, чувство юмора*) и черты скорее отрицательные (*кокетство, самолюбие, авантюризм*). Образ герцогини связан с одной из «сквозных» тем раннего творчества А.К. Толстого – «темой ответственности человека за необдуманные слова и неосознанные поступки, закономерно приводящие к реальным (а точнее, ирреальным) последствиям» [Федоров 2000, с. 23].

Картины, в которых взаимодействуют командор и герцогиня, комичны и говорят о стремлении Толстого соединить в рассказе фантастику с иронией:

Когда мне [де Грамон] случалось особенно приласкаться к нему [де Бельевру]... он строил при этом такую забавную гримасу, что я тут же смеялась прямо ему в лицо, рискуя с ним поссориться (Толстой 1969, с. 105);

Как-то раз, когда я имела неосторожность сказать, что люблю музыку, он велел принести себе гитару и исполнил воинственную песнь мальтийских рыцарей громовыми руладами и так выкатывая глаза, что делалось просто страшно. По струнам он ударял до тех пор, пока не порвал их (Толстой 1969, с. 110–111);

Господин де Бельевр переоделся в халат темно-красного цвета, а парик сменил на остроконечный ночной колпак; теперь в его облике было что-то причудливо внушительное, он казался похож на волшебника (Толстой 1969, с. 113).

Итак, поэтонимии и образной системе отводится ключевая роль в раннем готическом рассказе А.К. Толстого «Встреча через триста лет». Они служат основой для воплощения авторской картины мира, обусловленной эстетическими романтическими позициями. Для имен характерны номинативно-характеризующая, сюжетно актуализированная композиционная, эстетическая, культурно-историческая, локально-темпоральная функции, а также функция текстовой скрепы, цементирующая когезию, системность и антропоцентричность текста рассказа. Поэтонимия участвует в создании общей образности произведения. Значительное место в рассказе занимают ономастические перифразы в номинативно-характеризующей функции.

Литература

- Бахтин 1986 – Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности: Пространственная форма героя // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 25–94.

- Васильева 2020 – *Васильева Н.В.* Проприально-апеллятивная неоднозначность: к вопросу о распознавании имен в тексте // Ономастика Поволжья: Материалы XVIII Междунар. науч. конф.: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. Г.Д. Неганова. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2020. С. 27–32.
- Громова 2011 – *Громова П.С.* Проза А.К. Толстого: проблемы жанровой эволюции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011. 19 с.
- Левин 1988 – *Левин Ю.И.* Зеркало как потенциальный семиотический объект // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 831. Зеркало. Семиотика зеркальности. Труды по знаковым системам XXII / Ред. тома З.Г. Минц. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1988. С. 6–24.
- Лотман 2004 – *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв: Текст в тексте (Вставная глава) // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. С. 62–73.
- Федоров 2000 – *Федоров А.В.* Ранняя фантастическая проза А.К. Толстого и традиции романтизма в русской прозе 40-х гг. XIX в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 33 с.
- Федотова 2018 – *Федотова К.С.* Онимная лексика в языке писателя: поэтонимно-графический аспект (на материале творчества Н.С. Гумилева): Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2018. 232 с.

References

- Bakhtin, M.M. (1986), “The author and the hero in aesthetic activity. The spatial form of the hero”, in Bakhtin, M.M., *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creative work], Bocharov, S.G. (comp.), Averintsev, S.S. and Bocharov, S.G. (commentaries), 2nd ed., Iskustvo, Moscow, Russia, pp. 25–94.
- Fedorov, A.V. (2000), *Ranniyaya fantasticheskaya proza A.K. Tolstogo i traditsii romantizma v russkoi proze 40-kh godov XIX veka* [Early fantastic prose by A.K. Tolstoy and the traditions of Romanticism in Russian prose of the 40s in the 19th century], Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow, Russia.
- Fedotova, K.S. (2018), *Onymic vocabulary in the language of the writer. The poetonymographic aspect (based on the material of N.S. Gumilev's works)*, Ph.D. Thesis, Volgograd, Russia.
- Gromova, P.S. (2011), *Proza A.K. Tolstogo: problemy zhanrovoy evolyutsii* [A.K. Tolstoy's prose. Issues of the genre evolution], Abstract of Ph.D. dissertation, Tver', Russia.
- Levin, Yu.I. (1988), “Mirror as a potential semiotic object”, in Mints, Z.G. (ed.), *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vypusk 831. Zerkalo. Semiotika zerkal'nosti. Trudy po znakovym sistemam XXII* [Scientific notes of the Tartu State University. Issue 831. Mirror. Semiotics of mirroring. Works on sign systems. Vol. XXII], Tartuskii gosudarstvennyi universitet, Tartu, Estoniya, pp. 6–24.
- Lotman, Yu.M. (2004), “Culture and Explosion. Text within Text (Insert Chapter)”, in Lotman, Yu.M., *Semiosfera* [Semiosphere], Iskustvo-SPB, Saint Petersburg, Russia, pp. 62–73.

Vasil'eva, N.V. (2020), "Proprietary-appellative ambiguity. On the issue of the name recognition in the text", in Neganova, G.D. (ed.), *Onomastika Povolzh'ya: Materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: V 2 t. Tom 1* [Onomastics of the Volga region. Materials of the XVIII International Scientific Conference], in 2 vols., vol. 1.

Информация об авторе

Сергей М. Пронченко, кандидат филологических наук, Филиал Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского в г. Новозыбкове, Новозыбков, Россия; 243020, Россия, Брянская обл., г. Новозыбков, ул. Советская, д. 9; s.m.pronchenko@yandex.ru

Information about the author

Sergei M. Pronchenko, Cand. of Sci. (Philology), Branch of Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University in Novozybkov, Novozybkov, Russia; bld. 9, Sovetskaya Street, Novozybkov, Bryansk Region, Russia, 243020; s.m.pronchenko@yandex.ru